

Цифровое пространство личности

В.И. Тищенко

Федеральное государственное учреждение «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье показано, что в процессе цифровизации социального бытия возникает особая форма коммуникативной ситуации, при которой формируется представление о новой, «виртуальной» субъектности. И мир, в который «погружается» человек при освоении компьютерно-опосредованной коммуникации, воспринимается им как пространство виртуальных взаимодействий, в которых индивидуальное «Я» пользователя Интернета представлено как цифровая копия его личности. Особенностью возникающего «цифрового двойника» оказывается множественность его образов, своеобразных «ипостасей», определяемых разнообразием интерактивных сетевых взаимодействий и зависимостью от предлагаемых ролей. Изложено, что возникающая в восприятии многослойность «цифровой личности» человека рассматривается в качестве кризиса идентичности, невозможности сохранения целостности собственного «Я» в среде преобразованного пространства. Проанализированы некоторые понятийные модели, предлагаемые для сохранения представления о целостности личности пользователя при «вхождении» в сетевое пространство, преодоления ощущения неустойчивости и зыбкости индивидуального бытия.

Ключевые слова: цифровизация, социальные сети, виртуальное пространство, личность.

DOI: 10.14357/20790279220406

Введение

Повсеместное распространение цифровых коммуникационных устройств трансформирует социальную активность человека, вовлекая в социальное бытие разнообразные сетевые сервисы. Обращаясь к ним при поддержании естественных социальных коммуникаций, человек «превращается» в пользователя Интернета¹. Что приводит, в свою очередь, не только в сфере научных исследований, но и в обыденной жизни к изменению понимания субъекта социального бытия².

¹ Введение в научный дискурс термина «пользователь» при определении субъекта, взаимодействующего с распределенными онлайн-сервисами или мультимедийными устройствами, подчеркивает связь субъекта с интерфейсами, то есть с «точками» доступа к этим сервисам или устройствам. В то же время, использование понятия «пользователь» в контексте исследовательского дискурса, описывающего проблемы взаимоотношения субъекта с киберпространством, открывает возможности рассмотрения этого понятия в качестве когнитивной конструкции, выстраиваемой в процессе осознания формирования новой, «виртуальной» субъектности в среде, образованной в результате освоения вычислительных (компьютерных) процессов [1].

² Здесь и далее, понятия субъекта и «Я» рассматриваются как взаимозаменяемые, в некотором смысле, тождественные представления о деятельной активности человеческого бытия, рассматривающие личность, как социальную структуру, возникающую и существующую в социальном опыте.

В эпоху цифровизации, образ «Я» перестает быть связанным с конкретным, телесным индивидом, существующим в пространстве и времени, включенным в определенную культуру, имеющим имя, биографию, историю жизни [2, с.100]. И «Я» уже не только отражает межчеловеческие, коммуникативные взаимоотношения людей, формирующиеся в познавательной и реальной активности. В осваиваемом виртуальном пространстве оно как бы обретает самостоятельное существование, воспринимаясь как дополнение «реальному Я». «Цифровая гибридность» социального бытия де-факто становится «параллельной» формой существования современного человека. В этом новом, цифровом статусе человек не только приобретает новое имя (т.н., «ник»), но вступает в недоступные ему ранее отношения, становится участником и членом сообществ, которые существуют в ином, *нереальном* мире, мире виртуальных, опосредованных компьютером, взаимодействий.

Возникающее, вследствие этой трансформации среда социального бытования человека, явление дополненной реальности его существования, обозначаемое как результат дигитализации, «цифровизации субъекта», не может быть объяснено

всего лишь введением широко используемым при описании этого процесса термином «цифровой субъект» [3]. Наоборот, подобная терминологическая процедура лишь усугубляет проблемность представления о «гибридности» личности. Поскольку, с одной стороны, показывает возможность одновременного существования взаимоисключающих миров, в которых обитает «Я», мира чувственно-реального и мира виртуального. А, с другой, – по сути, подчеркивает наличие «разрыва» между образами реального и виртуального существования «Я».

В сетевом пространстве человек «существует» в форме своего виртуального «представителя» (*аватара*³), число которых может умножаться практически до бесконечности в зависимости от целей и разнообразия виртуальных пространств («событий»), в которые «попадает» человек. Количество виртуально существующих «Я» определяется, т. н. «виртуальным бытованием» пользователя в сетевых коммуникациях. Становясь участником того или иного виртуального сообщества, человек каждый раз как бы «надевает» новую «маску», адаптируясь к тем или иным целям и нормам поведения на конкретных виртуальных площадках, которые по своему смыслу могут отличаться друг от друга.

Явление множественности сетевой идентичности, описанное выше, является важнейшей характеристикой виртуального «представителя» личности пользователя Интернетом. Именно этот феномен (возможность одновременного и совместного существования всех цифровых аватаров) осознается пользователем как «расщепление Я», его нестабильность и разрушение целостности личности в цифровом пространстве. Параллельно этому нарастает ощущение отчуждения «цифровой личности» от «реальной».

Желание сохранить стабильность и целостность «Я», преодолеть тревожащее ощущение ее «раздвоенности» в условиях информационного мира, воспринимаемое в качестве кризиса идентичности личности, порождает усилия по разработке таких моделей «цифрового человека», в основе которых лежит представление о целостности человеческой сущности и которые ликвидируют понятийный (и психологический) разрыв между этими образами. Анализ особенностей построения некоторых подобных, наиболее радикальных моделей составляет предмет рассмотрения данной статьи.

³ Аватар (avatar, англ) – пользователь Интернета в форме двухмерного изображения (в веб-форумах, мессенджерах, чатах, блогах, социальных сетях) или трехмерной модели (виртуальные миры, массовые многопользовательские онлайн-игры), т. е. публичное графическое представление пользователя.

1. Феномен «личностного удвоения»

Очевидно, что прежде, чем перейти к анализу представленных в литературе моделей «оцифрованного» человека, необходимо более детально описать как сам феномен цифрового «удвоения», так и его истоки. Особое внимание в этой связи следует обратить на проблему личностного «удвоения».

Формирующаяся в пространстве Интернета коммуникативная модель взаимодействия пользователя подразумевает использование для организации пространства социальной активности в сети механизм спонтанного непрямого взаимодействия между индивидами, заключающийся в следовании «оставленным» в виртуальной среде «цифровым следам»⁴ в виде словесных суждений, комментариев, разнообразных знаковых «меток» (лайков, дизлайков, стикеров и пр.). При этом накопление «цифровых следов» в сети, фиксирующих обыденную активность индивида, происходит буквально каждую секунду как результат использования мобильного телефона, ноутбука или компьютера, движения средств на счете банковской карты, общения в социальных сетях. «Обнаружение» подобных коммуникативных «меток» побуждает и стимулирует в силу коммуникативных свойств личности (как бы «цепляющейся» за эти выявленные «следы») социальную активность в сетевом пространстве пользователей и участников социальных медиа.

В результате особенностью современного технологического преобразования коммуникативных процессов в виртуальном пространстве является «овеществление», освоение установки «ориентации на другого». В результате, «удвоение» пользователя Интернета в форме «виртуального представителя» реализуется через коммуникативное взаимодействие с другими сетевыми участниками. Вне коммуникации в сети «цифровая личность» не существует. И, очевидно, что понятие «цифровая личность» (*digital identity*) возникает как отражение фиксации совокупности цифровых данных активности человека в таких элементах коммуникационной инфраструктуры, как социальные сети, мобильные приложения банков, магазинов, поисковые сервисы и т.д.

Между тем, используя цифровые устройства в своей обыденной жизни, человек не осознает, что он оказывается невольным объектом «цифрового наблюдения», в ходе которого все его действия в

⁴ «Цифровой след» – это запись в системе логирования, коммуникации с другими пользователями, которая возникает как отражение действий пользователя при использовании современных цифровых систем и устройств.

сетевом пространстве (данные банковских транзакций, файлы cookie и другие более сложные данные онлайн-активности) преобразуются в наборы данных и «логируются» в форме «цифрового субъекта» [4].

Однако, «приобретая» эту новую («параллельную») ипостась, человек, как для себя, так и для своего реального, т.н. «офлайнного» окружения, остается во всех своих ощущениях все тем же, кем он и был до акта «соприкосновения» с интернет-средой, не только не исчезая, но и «сохраняя» свою историю жизни, свои воспоминания, радости и печали. Другими словами, и по собственным ощущениям, и по мнению окружающих, присущая ему «реальная» субъектность остается неизменной. А вновь приобретенная, т.н. виртуальная, «самость», означает, казалось бы, всего лишь способность (навыки) человека в какие-то отрезки времени (иногда очень длительные) при помощи компьютера (или смартфона) «погружаться» в особый, вновь открытый мир виртуальных отношений. Именно эти ощущения и позволяют ему, осознавая реальность «цифровой сущности», предстающей перед ним, исходя из доступных данных, утверждать в одно и то же время: «Это явно не я, и все же это не кто иной, как я»⁵.

Таким образом, в современном обыденном сознании как-то «уживается» представление индивида о чувственной реальности существования самого себя с одновременным осознанием себя как участника игрового или виртуального сообщества, автора блога, виртуального дневника. Из этого следует, что введение понятия «цифровая личность» (или digital subject) – это не просто обозначение приобретенного навыка. Оно символизирует появление новой цифровой «самости» *пользователя* Интернета, результат «визуализации» в сознании человека еще одного «Я» (в виде участника виртуального мира), наряду со множеством прежних «реальных Я», «возникающих» в отношениях с родными и близкими, коллегами по работе, прочими «пересечениями» реального бытия.

Проблема различения обособленности «цифровой личности» и «реальной» субъектности, возвращает нас к истокам формирования неклассической психологии на рубеже XIX – XX веков, когда в работах Уильяма Джеймса (William James) были предприняты попытки рассмотрения проблемы дуализма «души и тела» посредством инструментального отождествления нашего «я» и нашей личности» [5, с. 125].

Вне пределов научного познания эта тождественность поначалу рассматривалась как две сто-

роны личностного восприятия окружающего мира, определяемого исключительно индивидуальностью Я-существования, что нашло в 30-е годы прошлого века (в отличие от предшествовавших мистических ипостасей литературных героев⁶) свое воплощение в образах, заменивших тождество «души и тела» реальным многообразием восприятий. Так, Томас Манн, раскрывая видение мира легендарным Иосифом, полагает очевидность независимого сосуществования в реальности многообразия личностного видения окружающего мира:

«...у мира множество средин, для каждого существа – своя, и у каждого существа мир ограничен собственным кругом. Ты вот стоишь всего в каком-нибудь полуукте от меня, но вокруг тебя свой, особый мир, середина которого – не я, а ты. Зато я – середина своего мира.» [6, с.527]

Артикулированные истоки внимания к операциональной идее «Я-другой» (в самом обыденном варианте «Я – не Я») можно выделить непосредственно уже в эпистемологических работах Нового времени; в последующем она получила конкретизацию в форме психологических или социальных трактовок [7]. В итоге было показано, что в зависимости от вовлеченности человека в те или иные социальные процессы, различные бытийные сюжеты, личность человека, его «Я», необходимо рассматривать как отражение социальных взаимодействий.

«Индивид переживает самого себя как такового в опыте не непосредственно, но лишь косвенным образом, с особых точек зрения других индивидуальных членов той социальной группы, к которой он принадлежит, или же с обобщенной точки зрения этой социальной группы в целом. Ибо он входит в свой собственный опыт как Я, или индивид, не прямо и непосредственно, <...> только посредством принятия установок других индивидов по отношению к нему в социальной среде, т.е. в том контексте опыта и поведения, в который как он, так и они включены.» [8, с.167].

Поведение человека в той или иной социальной группе, многообразие реакций по отношению к различным бытийным сюжетам или темам определяют, с одной стороны, существование всевозможных «Я», возникающих как способ вовлечения человека в те или иные социальные процессы. А с другой, переводит рассмотрение субъектности в пространство взаимодействий «Я-другой». И, соответственно, процесс идентификации личности есть, с одной стороны, результат когнитивной интеграции разнообразия «Я», и, в то же время, – осознания существования себя как отражения социальных взаимодействий.

⁵ It is clearly not I, and yet it is no one other than I. [4, с. 125].

⁶ Мистические истории: Тайный сообщник. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2021.

Отдавая себе отчет в очевидности существования «Я» в результате многообразия социальных «сценариев», стремясь естественным, «человеческим» образом преодолеть возникающее ощущение «раздвоения» самого себя в каждом из них, индивид с помощью процедуры самоидентификации (как правило, неосознаваемой) осмысливает, как сочетаются (совмещаются), превращаясь в его сознании в единое целое, это разнообразие «раздвоенных» Я.

Но, понятно, что далеко не всегда интегративная способность присуща человеку. Длительное осознание продолжающейся множественности «Я», или неудача в достижении идентичности, приводят к возникновению пространства «параллельности» сознаний, разобщенности этих статусов и к их противопоставлению, и как следствие, распаду миров их существования, что нередко сопровождается потерей ощущения реальности, распадом личности и развитием психопатологии.

«Феномен диссоциации личности вызывается разделением целостного, единого Я на составные Я, образующие его и соотносящиеся с различными аспектами того социального процесса, в котором человек принимает участие и внутри которого сложилось его целостное или единое Я. Этими аспектами являются различные социальные группы, к которым он принадлежит в рамках этого процесса.» [8, с. 172]

Возможность сосуществования в сознании психического (мистического) и «реального» (чувственного) образа зримо (!) представлена в спектакле Московского театра юного зрителя «Черный монах», поставленного режиссером Камой Гинкасом по одноименному рассказу А.П. Чехова (премьеры состоялась 6 октября 1999 г.).

В спектакле, как и в рассказе, главный герой, Андрей Васильевич Коврин, беседует с галлюцинаторным образом монаха, который время от времени предстает перед ним (в спектакле в виде реального черного монаха в исполнении Игоря Ясуловича), как «человек среднего роста с непокрытой седой головой, весь в темном и босой, похожий на нищего...» [9, с. 241].

«Но ведь ты мираж, – проговорил Коврин. – Зачем же ты здесь и сидишь на одном месте?»

Это все равно, – ответил монах не сразу, тихим голосом, обращаясь к нему лицом.

Легенда, мираж и Я – все это продукт твоего возбужденного воображения. Я – призрак.

– Значит, ты не существуешь? – спросил Коврин.

Думай, как хочешь, – сказал монах и слабо улыбнулся.

Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую и в природе.» [9, с. 241].

Приведенные цитаты наглядно показывают, что уже в прошлом веке в общественном со-

знании (в отличие от обыденного!) укоренилось представление «естественности» личности, так называемого индивидуального «Я», как результата реконструирования социального опыта бытования индивида; возможности одновременной представленности в сознании «Я – не Я», чувственного и ирреального.

Основания подобного толкования «Я» как выведенной идентичности индивидуальной самости из личностного опыта, сформировались на рубеже XX века в результате изменения научной ментальности рассмотрения субъектно-объектных отношений. Когда была показана на материале познания в физике неизбежность включения акта и процесса описания явлений и бытийных событий (взаимодействия с ними) в то, что ими описывается. Другими словами, объект познания как бы «растворяется» в субъекте познания, и мир, в свою очередь, «удваивается». Именно поэтому «субъектность сама входит в объективную реальность, данную науке, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на «языке внутреннего» [10].

Революционные преобразования в физическом познании показали, что объект не только не противостоит субъекту в процессе познания, но «приобретает» право называться таковым, когда как бы «вырастает» из деятельного субъекта познания, будучи представленным в различных (и разнообразных) формах знания о нем.

Как отмечал Уильям Джеймс при истолковании понятия личности: «... мое самосознание является как бы двойственным — частью познаваемым и частью познающим, частью объектом и частью субъектом» [5, с. 125]

Из этого следует фундаментальный вывод – вопреки распространенному представлению о научном познании как процедурах описания и систематизации различных наборов фактов, мы изначально привносим в исследование в качестве средства анализа и интерпретации воспринимаемого (пресловутые наборы фактов) какую-либо концептуальную модель, будь она неосознанная, или значимо формализована. Исследователь всегда воспринимает данные в определенном *ракурсе*, в «рамках» которого рассматриваются проявления реального мира. При этом принципы и правила построения тех или иных моделей реальности не только не даны заранее, но и не «разворачиваются» как результат индивидуального развития. Эти правила (идеальные «конструкты» познания), согласно которым происходит построение, возникновение новых когнитивных моделей реальности, есть результат усвоения («очеловечивания» индивида)

исторических форм общественно-человеческой деятельности, отражающей объективную реальность (К. Маркс).

Это означает, что объект только тогда возникает как предмет познания (т.е. «превращается» в объект), если он представлен в различных формах идеального, будто язык, речевая практика или ментальные модели различных математических или иных построений. Очевидной особенностью этих форм – языковых и синтаксических, логических и нормативных, оказывается «... характеристика таких, вещественно-зафиксированных (объективированных, овеществленных, опредмеченных) образов общественно-человеческой культуры, т.е. исторически сложившихся способов общественно-человеческой жизнедеятельности, противостоящих индивиду с его сознанием и волей как особая «сверхприродная» объективная действительность, как особый предмет, сопоставимый с материальной действительностью как находящийся с нею в одном и том же пространстве (и именно поэтому часто с нею путаемый)» [11, с. 48].

В основе этого парадигмального подхода к знанию лежит идея активной, креативной природы познания, выстраивающего культурно-исторический образ познаваемых событий в сознании субъекта. А объективность познания определяется не вещественностью, не «указательностью» определения предмета познания как «вычлененного» из некоего «мира-в-себе», а историчностью форм и категорий познания, в которых представлен тот или иной фрагмент освоенного человеком мира.

Руководствуясь сформулированным гносеологическим принципом, можно отметить, что определение личности, как в сознании, так и в самосознании, выстраивается как отражение отношения к другим людям. И, соответственно, «... «я» обыденного языка имеет значение, содержащее в себе определенного рода отношение к другим людям, предполагается в самом том факте, что это слово и те идеи, которые оно представляет, суть феномены языка и коммуникационной жизни.» [12, с. 314]

Как мы видим, субъективация процесса идентификации, определение личности происходит в «реальном» мире в форме понимания Другого, в осознании процессов социальных отношений, прежде всего, коммуникаций. Причем именно коммуникация обеспечивает ту форму поведения, в которой индивид «с мыслью о других людях» становится объектом для самого себя⁷. Вот почему

⁷ Но тогда и чувство обладания тела, «внутренние органы, как, например, печень, не полагаются отчетливо нашими, если мы не пытаемся сообщить нечто, их касающееся, как, скажем, когда они причиняют нам страдания и мы пытаемся вызвать сочувствие.» [11, с. 317].

коммуникативность, лежащая в основе многих моделей поведения человека, может рассматриваться как форма социализации индивида.

Аналогично этому, и в виртуальном пространстве, которое по своей сути представляет собой коммуникативное взаимодействие многочисленных сетевых пользователей, идентификация самого себя происходит в качестве осознания участия в виртуальных коммуникациях, и самоидентификация представляется в форме субстанционализации «цифрового двойника».

Пользователь интернета присоединяясь к тому или иному сообществу, идентифицирует себя как его участник, что подтверждается результатами анализа текстов сообщений (комментариев) участников сообществ – в них преобладают неполные предложения, понятные лишь в контексте дискурса сообщества, который воспринимается как средство идентификации «цифровой личности» [13]. Таким образом, получается, что в основе формирования социальной идентичности в виртуальной среде лежат те же процессы, что и в идентичности реальной, социальные взаимодействия как источник и основа формирования личностного «Я». Но тогда проблемой удвоения «Я» оказывается не осознание «виртуального двойника» реальной личности, но представление об очевидном тождестве этих двух ипостасей. И ее решение строится, в основном, на пути уточнения характеристик феномена «цифрового двойника», поскольку, как видится исследователями, понимание реальной личности представляется настолько естественным, что не требует какого-либо анализа.

2. Интерпретации феномена «виртуального удвоения»

В качестве одной из эвристических моделей, позволяющей по мнению ряда исследователей, преодолеть эпистемологический разрыв в восприятии «удвоенного» мира человеческого «Я» предлагается ввести понятие *homo informaticus*, призванное обозначить «конец антропологии» и возникновение в результате некоего фазового перехода иной родовой сущности человека [14,15]. По их представлению, в условиях технологического преобразования информационной среды человека «размывается» не только представление об окружающей его реальности, но и индивидуальная субъектность. Так, Гюнтер Андерс (Günther Anders), пытаясь осмыслить человека как субъекта технологического пространства, сформированного второй промышленной революцией, предложил концепцию «растиражированного человека»,

«рассеянного индивида», или «дивизума», колеблющегося между множеством разнообразных сообщений и их источников и утрачивающего упорядоченный образ мира и собственную идентичность [16, с. 139–140].

Как отмечается сторонниками этого подхода, поскольку активность современного человека обусловлена реализацией ее в цифровой среде, предлагаемая модель, отбрасывая «доцифровое» представление о сущности человека, заполняет тем самым существующее пространство между реальностью информационной среды и реальным бытием человека. И в результате предлагаемой модели «возникает» не просто образ человека, но *преобразованный человек*, «человек информационный» [14, с. 47]

В отличие от сторонников этой концепции, для нас очевидно, что, казалось бы, «новый», «оцифрованный» человек, остается «прежним», обычным человеком, в облике которого каждый из нас легко узнает себя или себе подобных. Но тогда получается, что параллельно предлагаемой «модели» человека, по-прежнему, существует обычный пользователь компьютером, через который каждый из нас «погружается» в мир Интернета, мир виртуальности. И амбивалентность понятия «*homo informaticus*» лишь показывает, что у сторонников данной концепции эти два представления сливаются в одно неразделимое определение.

Концепция рассмотрения человека в качестве «информационной сущности» берет свои истоки, с одной стороны, из очевидного представления виртуально «сконструированной» личности пользователя интернетом в качестве всего лишь набора символов («субъекта данных»), что, собственно, и порождает иллюзию ее бестелесности. А с другой стороны, технологические возможности сетевой инфраструктуры, проявляющиеся в плюралистичности виртуальной личности, существующей параллельно с «живой» самостью, растворяют идентичность человека во множестве смыслов, определяемых через выбор и принадлежность к определенному дискурсу коммуникаций, в которых она себя определяет. Но это означает, что в условиях всепроникающей сетевой коммуникации виртуальная идентичность отражает социальные и культурные взаимосвязи в сети.

Однако при «нахождении» в сетевом пространстве, человек не осознает свою «виртуальную» активность как ориентацию на другого, и тем более как развитие (становление) своей личности. Все многообразие «вхождения» во все новые и новые акты своей сетевой активности предстают перед человеком как восприятие непосредственной

фрагментарности информационной среды. Именно этот «распад» целостности восприятия реальности, отраженной в виртуальном пространстве воспринимается как осознание кризиса взаимодействия индивида и реального мира.

Трудности преодоления фрагментарного восприятия сетевой информации и, соответственно, восстановления системности пребывания в виртуальном пространстве усугубляются постоянным «напоминанием» о существовании в «глубинах» сознания образа своего реального Я, мгновенный возврат к которому наступает при выключении компьютера. Таким образом, получается, что целостность отсутствует не только при восприятии сетевой информации, но и при восприятии самого себя. И человек как *пользователь* оказывается «устройством для переключения» не только между отдельными фрагментами информации, но и между разными мирами своего существования, между различными ипостасями своего Я.

Понятно, что любой думающий человек, не желающий рассматривать себя в качестве «технического» устройства, старается осознать парадокс нахождения в двух взаимоисключающих параллельных пространствах своего пребывания. Желание сформировать понятный образ и «механизм переключения» из одного состояния в другое, требует от него разведения в сознании этих взаимоисключающих миров. И естественная очевидность возможности параллельного нахождения мира чувственно-реального и мира виртуального, и способности внезапного, резкого перехода из одного существования Я в другое предстают перед человеком не только образом перехода («переключения») из одного состояния в другое, но и представлением о наличии *дистанции* между этими мирами, как в осознании, так и в практическом действии.

3. Психоаналитический взгляд на феномен удвоения

Своеобразные попытки заполнения этого «зазора», стремление его рационального объяснения можно увидеть, как ни удивительно, в работах из области литературоведения, поскольку этот феномен вообще характерен для психики человека. Так, Пьер Байяр, психоаналитик и литературовед, отделяя реальное и *нереальное* пространство, описывает своеобразную пропасть между «достоверностью и статистической вероятностью факта». По его мнению, она выявляется при сопоставлении мира реальности с результатами иной, совершенно несвязанной с информационными технологиями, сферой чело-

веческой активности, а именно, с плодами литературной деятельности.

Он считает, что именно в литературных произведениях мы обнаруживаем существующий параллельно реальному ирреальный, *воображаемый* мир, который возникает как результат способности писателя порождать некое, отличное от «настоящей» реальности пространство; пространство воображения, населенное персонажами во всем многообразии их жизни. Эта особенность создания пространства воображения и является, по утверждению П. Байяра, важнейшей характеристикой, сутью литературного творчества [17, 18].

Пытаясь описать заявленную «демиургическую» особенность литерного труда, П. Байяр разделяет реальность воображения (вымысла) и «просто» реальность, воспринимая пространство жизни литературных персонажей, с одной стороны, как результат, продукт воображения писателя, который предстает в его сознании как противостояние мира вымысла миру «просто» реальности [19, с. 116]. Но, с другой стороны, по его мнению, существование мира литературных персонажей обусловлено проявляющимися в процессе чтения когнитивными особенностями человеческой индивидуальности, особенностями восприятия логики изложения сюжета, представленной в тексте. И поскольку не существует текста как такого, подлинный смысл прочтения подразумевает возможность и способность «открывать в окрестностях произведения дополнительные пространства, играя с его незавершенностью. Пространства для выдумывания, далекие от всякой реальности текста...» [19, с. 46].

Исходя из этого тезиса, Пьер Байяр полагает, что именно в этой области сознательно-бессознательного «прочитывания» текста происходит действительное выстраивание бытия литературных персонажей, отличное от авторского. Это новое, возникшее в результате прочтения пространство, не совпадает не только с логикой авторского выстраивания сюжета, но и с логикой описываемых им событий, существующих в качестве «чувственно» воспринимаемых жизненных ситуаций. И тогда, по мнению Пьера Байяра, мы с легкостью обнаруживаем цепь событий, которая существует вне авторского вымысла, но, в то же время, «на самом деле».

Разведение Пьером Байяром мира авторского вымысла и мира «реальности», доступного читателю, происходит потому, что «на самом деле», по его мнению, события из реального мира, положенные в основу авторского сюжета, представляют собой лишь отдельные, единичные, чувственно-воспринимаемые события, «вещи». И литературное

отражение (описание) этих событий и героев, в них существующих,

«есть лишь фантом воображения, лишь психический (либо психофизиологический) феномен ... [который] ... снова и снова повторяется во многих (или даже во всех) актах восприятия единичных вещей единичным же индивидом и воспринимается этим индивидом как некоторое «сходство» многих чувственно-воспринимаемых вещей, как тождество переживаемых отдельной личностью своих собственных психических состояний.» [11, с. 87].

Другими словами, воображаемое пространство бытия литературных персонажей предстает в этом рассуждении как отражение того «всеобщего», которое существует как независимое социальное бытие, с которым писатель, «освоив» его, «знакомит» своих читателей. И «объединение» этих, казалось бы разведенных самой практикой человеческого существования, – пространства бытия и его отражения в форме литературного творчества, возможно лишь посредством бессознательной рефлексии, существующей в виде индивидуальной психической деятельности читателя.

Рассматривая психику читателя в качестве не только средства, но и пространства пересечения двух различных миров, П. Байяр по сути формулирует проблему соотношения представлений о реальном и воображаемом мире в качестве важнейшей задачи исследования человеческой психики, и человеческого поведения в целом. В качестве инструмента для решения этой проблемы он обращается к методологии психоанализа, использованию анализа бессознательного как основания разрешения обозначенной проблемы. Именно это пространство психики и заполняет тот «зазор», который выявляется, по его мнению, в процессе анализа литературных произведений, их внутреннего, когнитивного содержания.

Это оказывается возможным, поскольку, как П. Байяр считает, сама природа писательского мастерства обусловлена возможностью литературных персонажей не просто обладать реальностью, но и существовать в ней. Мало этого, существует возможность перехода между миром реальным и миром существования персонажей, поскольку граница между ними не так однозначна, и не так строга, как кажется. Тем самым можно утверждать, что в понимании П. Байяра объективное (объективность) есть нечто субстанциональное, что мы определяем либо *в контексте*, либо с помощью *остенсивного*⁸, «указательного» определения. А поскольку с *психической реальностью* этого сделать невозможно, то ее понимание должно быть смещено к функционально-операциональному определению

⁸ От лат. *ostensus*, выставление на показ.

как «опосредующего индивидуальную психику и деятельность», т.е. к неким ментальным актам. Вот почему П. Байяр с такой «легкостью» уравнивает в правах на существование, как фантазию, так и вымысел как элемент литературного творчества, с бессознательным. И тем самым, предоставляя им возможность не только самостоятельного существования, но и возможность их «вычленения», истолкования с помощью средств психоанализа.

Непредвзятый читатель работ Пьера Байяра легко может заметить возникающие аналогии (возможно и неосознанные аллюзии) приведенных представлений о мире литературных персонажей с особенностями виртуального мира, в который «переходит» пользователь Интернета при «соприкосновении» с компьютером или смартфоном. Для пользователя совершенно очевидно, что в результате этой процедуры он попадает в мир, в котором не просто находится, но который оказывает на него непосредственное психологическое воздействие. И оно тем сильнее, чем больше этот новый, виртуальный мир, соприкасается с мирами других пользователей Интернета, с которыми он вступает в виртуальное общение, будь то участники той или иной социальной сети, партнеры виртуального игрового сообщества, адресаты его иных виртуальных коммуникаций.

Перефразируя слова Пьера Байяра, можно сказать, что граница между обыденной реальностью и виртуальным миром легко преодолима, причем в обоих направлениях. И бесполезно надеяться, что она обеспечит непреодолимость осознаваемой «дистанции» между реальностью и виртуальностью, поскольку фактор человеческой индивидуальности своей активностью заполняет этот, казалось бы наблюдаемый, «зазор» между реальной и сетевой личностью.

4. «Оцифрованная» родовая сущность человека

Современные информационные технологии обеспечивают индивида множеством легкодоступных средств для «конструирования» собственного образа, имиджа, биографии, идентичности. Сформированная в результате процессов виртуального «конструирования» личность наделяется такими атрибутами, которые далеко не всегда совпадают с реальными и представляют, по сути дела, всего лишь набор символов. Таким образом, у пользователя Интернета, участника виртуального сообщества, социальной сети в целом, возникает иллюзия, что «возникающая» личность может не нуждаться в физическом теле.

Не уделяя в этой связи внимание анализу психологических особенностей человеческой индивидуальности, некоторые современные исследователи в построении концепции *конструирования человеческой личности* становятся еще радикальнее. Они полагают, что в условиях современной информационной среды затрагиваются системные процессы преобразования «родовой сущности» человека [20, 21].

Как считается, описанные выше особенности существования современного человека в информационном мире порождают модель, которая отражает трансформацию родовой сущности человека, заполняя тем самым существующее пространство между реальностью информационной среды и реальным бытием человека. Отсюда возникает естественный для этой логики вывод, что, будучи элементом информационной среды, «новый» человек функционирует по законам информационной среды, и по тому проявляет «себя уже не как социальная сущность, а информационная сущность, как некое киберсущество, цифровой фантом» [14, с. 49].

Заключение

Повсеместное распространение информационно-коммуникативных технологий, вовлеченность в социальную жизнь элементов сетевой инфраструктуры, сетевых сервисов и, в особенности, социальных сетей, создает в современном общественном сознании образ, как бы естественной раздвоенности «Я» человека при «вхождении» его в Интернет как участника виртуальных сообществ в социальных сетях или мессенджерах.

Разрешение проблемы видимой «цифровой гибридности» нередко связывают с анализом понятия «субъект данных», модели *homo informaticus*, концепции трансформации «родовой сущности» человека, иных определений «оцифрованного» человека.

Однако мы полагаем, что феномен «виртуального удвоения» формулирует не просто проблему определения виртуального, «цифрового» субъекта и соотношения его с «настоящим» субъектом. Он в имманентном виде, на новом материале раскрывает фундаментальную проблему соотношения человеческого бытия и человеческого сознания. Проблему того, как человек познает и соотносится с окружающим миром, который, с одной стороны, существует независимо от него, а с другой стороны, оказывается результатом, продуктом его деятельности.

Или, другими словами, проблема «виртуальной личности» не проблема построения той или иной модели, описывающей процесс цифровизации человека в современную эпоху. Это проблема

того, что мы понимаем под сущностью человека, ядром его существования, ядром его сознания, рассматриваемая на новом этапе социального бытия. И как было отмечено выше, решение этой проблемы, по-прежнему, лежит в сфере познания идеального на материале «цифровизации» человека.

Литература

1. *Тищенко В.И.* Конвергенция понятий «виртуальная реальность» и «сетевая идентичность» // Труды ИСА РАН. 2021. Т. 71. В.2. С. 14-26.
2. *Труфанова Е.О.* Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 100–112 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29800933>. Доступен 28.07.2022.
3. *Goriunova Olga.* The Digital subject: an introduction // Subjectivity (2019). V. 12. P. 1-11 // URL: <https://doi.org/10.1057/s41286-018-00065-2>. Доступен 13.09.2022.
4. *Goriunova Olga.* The Digital Subject: People as Data as Persons // Theory, Culture and Society. 2019. V.36. Iss.6. P. 125-145 // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0263276419840409>. Доступен 13.09.2022.
5. *Джеймс У.* Психология. М.: РИПОЛ классик, 2020.
6. *Манн Т.* Иосиф и его братья. М.: Правда. Т. 1. 1987.
7. *Косилова Елена.* Парадигмы субъектности. М.: Алетейя. 2021.
8. *Мид Дж.Г.* Разум, я и общество (главы из книги) [G. H. Mead. Mind, Self and Society. – Chicago. 1934. P. 135-164, 164-178, 192-200.] перевод В. Г. Николаева // Социология. Реферативный журнал. Серия 11. №4. 1997. Реферат 97.04.041. С. 162-195.
9. *Чехов А.П.* Черный Монах // Собр. Соч. Т.8. 1986.
10. *Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии // Вопросы психологии. 1977. № 7. С. 109-125 // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21355339&ysclid=16knivlqza634057127>. Доступен 13.03.2021.
11. *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального: собр. Соч. Т. 5. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация». 2021.
12. *Кули Ч.* Социальная самость. Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ. 1994. С. 314-327.
13. *Воронин А.Н., Кубрак Т.А., Смирнов И.В., Станкевич М.А.* Оценка субъектности сетевого сообщества по показателям автоматического реляционно-ситуационного анализа его контента // Вестник МГОУ. 2020. №3. С. 134-153.
14. *Курбатов В.И., Пана О.М.* «Homo informaticus» - человек информационной эпохи: характеристические черты. 2017. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 46-51 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28282394&>. Доступен 27.08.2021.
15. Human No More: Subjectivities, Unhuman Subjects, and the End of Anthropology. Edited by Neil L. Whitehead and Michael Wesch. 2012. University Press of Colorado // URL: <https://muse.jhu.edu/book/17707&> Доступен 08.08.2022.
16. *Anders G.* Die Antiquiertheit des Menschen. Bd. 1. Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution. München, 1965 // URL: <https://archive.org/details/dieantiquierthei0000ande>. Доступен 08.08.2022.
17. *Байяр П.* «Титаник» утонет. М.: Текст. 2017.
18. *Байяр П.* Дело собаки Баскервилей. М.: Текст. 2017
19. *Байяр П.* Дело Гамлета. Диалог глухих. М.: Текст. 2020.
20. *Козлов М.В.* Родовая сущность человека и постиндустриальное общество // Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов XII Международного научно-практического междисциплинарного симпозиума «Рефлексивные процессы и управление». 17-18 октября 2019. М. С. 75-79
21. *Gladden M.E.* Who Will Be the Members of Society 5.0? Towards an Anthropology of Technologically Posthumanized Future Societies // Soc. Sci. 2019. 8. 148. P.1-39 // doi: 10.3390/socsci8050148. Доступен 08.08.2022.

Тищенко Виктор Иванович. Федеральное государственное учреждение «Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук» г. Москва, Россия. Заведующий отделом ФИЦ ИУ РАН., кандидат философских наук. Количество печатных работ: более 145, в т. ч. 4 монографии. Область научных интересов: системный анализ, информатика сообществ, виртуальные сообщества. E-mail: vtichenko@mail.ru

Digital Space of the Person

V. I. Tishchenko

Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article shows that in the process of digitalization of social life, a special form of a communicative situation arises, in which an idea of a new, “virtual” subjectivity is formed. And the world into which a person “immerses” when mastering computer-mediated communication is perceived by him as a space of virtual interactions in which the individual “I” of an Internet user is presented as a digital copy of his personality. A feature of the emerging “digital twin” is the multiplicity of its images, or “hypostasis-this”, determined by the variety of interactive network interactions and dependence on the proposed roles. It is shown that the perceived multi-layeredness of the “digital personality” of a person is considered as an identity crisis, the impossibility of maintaining the integrity of one’s own “I” in the virtual space environment. The article analyzes some conceptual models proposed to preserve the idea of the integrity of the user’s personality when “entering” the network space, overcoming the feeling of instability and unsteadiness of individual existence.

Keywords: *digitalization, personality, social networks, virtual space.*

DOI: 10.14357/20790279220406

References

1. *Tishchenko V.I.* Konvergencia ponyatii “virtual’ naya real’nost” i “setavaya identichnost” [Convergence of the concepts of “virtual reality” and “network identity”] // Proceedings of the Institute for Systems Analysis Russian Academy of Sciences. 2021. V. 71. Iss.2. P. 14-26.
2. *Trufanova E.O.* Ya kak real’nost i kak konstruktia [I am like a reality and like a design] // Voprosy filosofii 2017. No 8. P. 100–112 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29800933>. Available on 28.07.2022.
3. *Gorunova O.* Digital subjects: an Introduction // Subjectivity (2019) V. 12. P. 1-11// URL: <https://doi.org/10.1057/s41286-018-00065-2>. Available on 08.08.2022.
4. *Gorunova O.* The Digital Subject: People as Data as Persons // Theory, Culture and Society. 2019. V.36. Iss.6. P 125-145 // URL: https://www.academia.edu/36487143/The_Digital_Subject_People_as_Data_as_Persons. Available on 08.08.2022.
5. *James W.* Psychologia [Psychology]. M.: Ripol klassik, 2020.
6. *Mann T.* Iosif i ego bratya [Joseph and his brothers] M.: Pravda. T. 1. 1987.
7. *Kosilova Elena.* Paradygma subjectnost [Subjectivity Paradigms] M.: Aletya. 2021.
8. *Mid G.* Razum Ya i objestvo (glavy iz knigi) [G. H. Mead. Mind, Self and Society. – Chicago, 1934. P. 135-164, 164-178, 192-200.]// Sociology. Abstract Journal. Series 11. No.4. 1997. Abstract 97.04.041. P. 162-195.
9. *Chehov A.P.* Chernyi monah [The black Monk] // Coll. Works. V.8, 1986.
10. *Zinchenko V.P., Mamardashvili M.K.* Problema subjektivnogo metoda v psichologii [The Problem of the Subjective Method in Psychology] // Voprosy Psychology. 1977. No 7. P. 109-125 // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21355339&ysclid=16knivlqza634057127>. Available on 13.03.2021.
11. *Ilyenkov E.V.* Dialektika idelnogo [The Dialectic of Ideal] Woks v. 5. M.: Kanon+ Rooi «Rehabilitation». 2021.
12. *Kuli Ch.* Socialnoya samost. Amerikanskaya sociologicheskaya mysl [Social Self. American sociological thought] M.: MGY. 1994. P. 314-327.
13. *Voronin A.N. et al.* Ocenka sub’ektnosti setevogo soobchshtva po pokazatelyam avtomaticheskogo relyacionno-situacionnogo analiza ego kontenta [Evaluation of the subjectivity of the network community according to the indicators of automatic relational-situational analysis of its content] // Vestnik MGOU. 2020. No.3. P. 134-153.
14. *Kurbatov V.I., Papa O.M.* «Homo informaticus» - chelovek informacionnoi epohi: harakteristicheskii cherty [«Homo informaticus» - man of the information age: character traits] 2017. Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. No. 1. P. 46-51 // URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28282394&>. Available on 27.08.2021.
15. *Nathan J.* Digital dualism versus Augmented Reality. 2011 // The Society Pages. Cybergology // URL: <https://thesocietypages.org/cyborgology/2011/02/24/digital-dualism-versus-augmented-reality>. Available on 08.08.2022.

16. *Anders G.* Die Antiquiretheit des Menschen. Bd. 1. Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution. München, 1965 // URL: <https://archive.org/details/dieantiquierthei0000ande>. Available on 08.08.2022.
17. *Bayard Pierre.* (2017a) «Titanik utonet [“Titanic» sinks] M.: Tekst. 2017.
18. *Bayard Pierre.* (2017b) Delo sobaki Baskerikey [The Case of the Hound of the Baskervilles] M.: Tekst. 2017
19. *Bayard Pierre.* Delo Hamleta. Dialog gluhih [Hamlet case. Dialogue of the deaf] M.: Tekst. 2020.
20. *Kozlov M.V.* Rodovaya suchshnost cheloveka b postindustrialnoe obshchestvo [The generic essence of man and post-industrial society] // Reflexive processes and management. Collection of materials of the XII International scientific and practical interdisciplinary symposium “Reflexive processes and management” 17-18 October. 2019. Moscow. P. 75-79
21. *Gladden M.E.* Who Will Be the Members of Society 5.0? Towards an Anthropology of Technologically Posthumanized Future Societies // Soc. Sci. 2019. 8. 148. P. 1-39.

Tishchenko Victor I. Federal State Institution “Federal Research Center “Computer Science and Control” of the Russian Academy of Sciences” Moscow, Russia. Head of Department, FRC CSC RAS., Ph.D. Number of publications: more than 145, including 4 monographs. Research interests: systems analysis, community informatics, virtual communities. E-mail: vtichenko@mail.ru